

Александр АГАЛАКОВ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

СИБИРЯКИ О ПУШКИНЕ – С ЛЮБОВЬЮ, С ПОЖЕЛАНИЕМ ПИТЬ ВОДУ, С ВЫЗОВОМ НА ДУЭЛЬ

С Сибирью Пушкина связывали многие помыслы и немногие бумаги. Одно из первых упоминаний об этом каторжном крае Александр Сергеевич сделал в октябре 1825 года в письме к Александру Первому из михайловской ссылки: «...Я жаждал Сибири или крепости, как средства для восстановления чести». И не только чести. Вскоре «во глубину сибирских руд» попали его друзья-декабристы. Поэтому «нельзя не любить Сибири, – говорил поэт молодому сибирскому коллеге П.П. Ершову. – Это страна умных людей».

А после прочтения «Конька-Горбунка» сказал его автору: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Незадолго до трагической развязки Пушкин живо интересовался публикациями о Далекой Сибири, материалами о Ермаке. Сибирскую страницу в творчестве поэта перечеркнула дуэль, состоявшаяся на Черной речке 165 лет назад.

За Урал сообщение об угасшем солнце русской поэзии пришло от писателя-сибиряка И.Т. Калашникова, проживавшего в Санкт-Петербурге. Письмо адресовано историку, педагогу, просветителю и исследователю Сибири Петру Андреевичу Словцову, который наряду с немногими сибирскими интеллигентами высоко ценил творчество великого поэта. Тут, на окраине России, в краю пересыльных тюрем и кан-

дального звона, по письмам из обеих столиц, по рассказам очевидцев и приходившим с большим опозданием газетам горячо судили и спорили о столбовых дорогах русской литературы. И спешили поделиться, часто полярными точками зрения на словесность, с самим Пушкиным, раз имелась такая возможность. В пушкинском архиве сохранилось одно из немногих писем из Сибири, датированное 17 июля 1835 года. Его находка в конце XIX века вызвала научную сенсацию, о которой поспешили забыть. Дело в том, что поэту писал Владимир Дмитриевич Соломирский, владелец части уральских заводов, который восемью годами ранее вызвал Пушкина на дуэль. Жизни гения реально угрожал меткий выстрел артиллерийского подпоручика, оскорбленного поведением поэта на приеме у князя Урусова. Причем острый на язык Пушкин, не искушенный в светских интригах, в флиртовой светской беседе мог «разоблачить» Соломирского как незаконно-

рожденного, с покупным титулом дворянина, дед которого был крепостным. Эта неосмотрительность поэта (кстати, «дуриком» попавшего под выстрел Дантеса, который оказался невиновен в распространении подметных оскорбительных писем, взбесивших поэта) – эта бытовая неуживчивость гения в житейском водовороте людей самолюбив-

рожденного, с покупным титулом дворянина, дед которого был крепостным. Эта неосмотрительность поэта (кстати, «дуриком» попавшего под выстрел Дантеса, который оказался невиновен в распространении подметных оскорбительных писем, взбесивших поэта) – эта бытовая неуживчивость гения в житейском водовороте людей самолюбив-

вых, обидчивых и никогда ничего не прощающих – до сих пор останавливает в исследованиях пушкиноведов, предпочитающих видеть в предмете изучения светлые (а как же иначе!) стороны.

Соломирский целенаправленно вышел на поединок с обидчиком. Эта поведенческая ситуация досконально описана в литературе той поры. В том числе самим Пушкиным. Вот типичный выходец из «низов», без роду и племени, Сильвио из пушкинского «Выстрела», пытается шагать вверх по лестнице светского успеха, болезненно реагируя на любые намеки типа «всякий сверчок знай свой шесток». И мстит за любой выпад, истолковывая словесные фигуры за указание занять подобающее место в общественной иерархии. Литературное поведение Владимира Соломирского сказалось весной 1827 года, когда Пушкин, балагурия и шутя, рассказал на приеме у кн. Урусова нечто смешное о графине А.В. Бобринской. Артиллерист мрачно поглядывал на поэта. Ему было отчего злиться вдвойне.

Дело заключалось в том, что годом ранее офицер получил от матери Натальи Алексеевны Колтовской (Турчаниновой, Соломирской) уверенность на право пользования частью доходов с ее заводов. Следовательно, после удачной женитьбы Владимир мог занять в обществе приличное место. Выгодная партия – красавица Софья Урусова – рядом, но и намек на приятельные отношения с ее стороны нет. Все карты спутал Пушкин, который ранее хоть и подарил новому приятелю Владимиру Соломирскому томик стихов лорда Байрона с дружеской надписью, но одновременно обошел безутешного, пописывающего стишки поклонника, посвятив княжне блистательный перевод из Вольтера:

Не веровал я троице доньне:
Мне бог тройной казался всё мудрен;
Но вижу вас и, верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.

Со своими сильными въздыханиями и слабыми стихами Владимир Соломирский оказался не у дел. И дождался-таки момента, чтобы демонстративно проявить оскорбленную гордость – т.е. показать, что он, как дворянин, может и за честь дамы постоять, и на дуэль вызвать – равного. Вот как излагаются те события в книге В. Вересаева «Пушкин в жизни»: «... по окончании рассказа Соломирский счел нужным обидеться.

– Как вы смели отзываться неуважительно об этой особе? – задорно обратился он к Пушкину. – Я хорошо знаю графиню, это во всех отношениях почтенная осо-

ба, и я не могу допустить оскорбительных об ней отзывов...

– Зачем же вы не остановили меня, когда я только начинал рассказ? – отвечал Пушкин. – Почему вы мне не сказали раньше, что знакомы с графиней Бобринской? А то вы спокойно выслушали весь рассказ, и потом каким-то донкихотом становитесь в защитники этой дамы и берете ее под свою протекцию...»

Назвать артиллерию донкихотом, да еще неизвестно каким – это весомый повод для драки. Тем более, несостоявшийся жених действительно донкихотствовал, защищая не только доброе мнение о знакомой особе, а нечто большее. На вызов Пушкин ответил срочной запиской: «Немедленно, если Вы этого желаете, приезжайте вместе с секундантом. – А.П.». Оба противника бросились искать посредников. Нашли, и их стоит назвать поименно: Павел Муханов и Алексей Шереметьев. Оба офицера служили в одном полку, оба решили – дуэли не бывать. Они понимали ценность жизни и своего друга-артиллерию, и поэта.

В дуэльной истории, счастливо не состоявшейся, как и во всяком конфликте, когда объяснять словами скрытые вещи невозможно, имеются «подводные камни». В противостоянии «Соломирский – Пушкин» это целая гряда, похороненная в темных водах недомолвок, предубеждений, секретов и «горечи мелочных обид».

Одна из основных причин конфликта кроется в темпераменте поэта. На самом деле, всякий раз не противники вызывали Пушкина на поединки – он сам вызывался, вспыхивая, как порох, по любому поводу. Если за отказ дамы в свидании, в отчаянии на невозможность сатисфакции, он мог пробежать под палящим солнцем десяток верст «без передышку», то от мужчин-обидчиков поэт не бегал. С ними у него разговор был короткий – к барьеру! Еще в бессарабской ссылке последствия амурных дел «беса арабского» устранил генерал Инзов. В одном случае помещик Инглези, узнав о связи поэта со своей женой, посадил ее в чулан, а Пушкину послал вызов на дуэль. Инзов отреагировал немедленно: Пушкина – на десять дней под арест! Чету Инглези – за границу. Пушкин не унялся: рассорившись с очередной пассией, уже он сам вызвал на дуэль ее мужа, боярина, члена Верховного Совета Бессарабии, да еще ударил его по лицу. И вновь – на гауптвахту. Правдами и неправдами Инзов берег поэта как зеницу ока. ...Покинув южные степи, Пушкин, конечно же, не остепенился.

В конфликте с Соломирским к горячему дуэльному темпераменту поэта подмешалась другая амурная подоплека – роды Бобринских и Соломирских, фамилии и титулы которых возникли буквально на пустом месте. Это создавало обширное смеховое поле для сатиры, юмора, язвительных анекдотов. Графиня Бобринская (это о ней рассказ Пушкина вызвал в салоне князя Урусова смех) была вдовой Алексея Григорьевича Бобринского, побочного сына Екатерины Второй. К побочным сыновьям царской фамилии осведомленные светские знатоки причисляли и Владимира Соломирского. Виною тому послужили альковные похождения матери Владимира, упоминавшейся ранее Натальи Колтовской.

Наталья Алексеевна Колтовская являлась дочерью уральского заводладельца Алексея Федоровича Турчанинова, которого крепостным мальчиком пригрел, полюбил и усыновил соликамский купец М.Ф. Турчанинов. Дочь бывшего крепостного была замужем за обербергмейстером Николаем Тимофеевичем Колтовским, который рано скончался. Из-за притязаний родственников, требовавших раздела имущества, пригожая вдова отправилась за правдой в Санкт-Петербург. А там энергичная наследница терзаемого состояния умерших отца и мужа попала на глаза Павлу Первому. Императору приглянулась «уралочка», он помог ей добиться выгодной казенной опеки над железнодорожными заводами и получить солидные кредиты на восстановление прошедшего в упадок производства. Только личная протекция Павла Первого заставила суровую Берг-коллегию удовлетворить челобитную Н.А. Колтовской. Улаживая наследственные дела, «уралочка» одновременно присмотрела себе кандидата на гражданский (без венца) брак. Это был видный дипломат Д. П. Татищев, от которого она незаконно родила двух сыновей, Павла и Владимира. Однако в светской среде, полушепотом, велись разговоры о наглой провинциальной фаворитке, обскакавшей многих дам в удовлетворении монарших утех. Современники подмечали внешнюю схожесть братьев с царскими отпрысками, будущими императорами Александром Первым и Николаем Первым. А дипломат Дмитрий Татищев послужил прикрытием, ширмой для амурных дел хозяина Михайловского замка, за что, получив назначение в Неаполь, вскоре убыл к новому месту службы. Перед отъездом обласканный царем угодник снабдил сыновей отчеством и сфабрикованной фамилией от якобы угасшей родственной отрасли – смоленских князей Соломерецких (Соломирских).

В то куртуазное время выбор средств в борьбе за место под солнцем был невелик. Нельзя осуждать женщину, которая «ковала» свое счастье в постелях сиятельных вельмож и царствующих особ. Кроме того, без высшего покровительства путь незаконорожденным детям в светское общество был закрыт. Но природная смекалка, везение и одновременно «бабья слабость» («слаба на передок» – по выражению И. Баркова) помогли бойкой вдове-фаворитке в ситуации «невинность соблюсти и капитал приобрести» сделать верную ставку на капитал – приумножить состояние и приобрести титул.

В уральских сказах П.П. Бажова на эти «деловые» качества заводовладелицы, изображенной в прямом – не нарицательном контексте, есть очевидные ссылки. Сказ «Марков камень»: «Была слыш-ко, на заводах барыня Колтовская. Она тоже в девках-то Турчанинова была, а вышла замуж за какого-то генерала али там поручика – и стала Колтовская. ...Она – эта Колтовчиха-то – до того к мужику жадная была, что удивленье просто...» Наконец барыня «убралась с наших заводов». Слава же осталась. «Которая девчонка или бабенка загуляла, про ту и говорят: “Колтовчиху покрасить хочет».

Более того, сам 18-летний Пушкин, восхищенный виршами Баркова и любовными похождениями друзей-дипломатов, знакомых ему по службе в министерстве иностранных дел, однажды, ненароком упомянул в стихотворении к А.И. Тургеневу, знатному вельможе, директору духовных дел иностранных исповеданий («Тургенев, верный покровитель»), о занятом времяпровождении своего адресата с некой Соломирской – уж не веселой ли вдовой?!

Одни лишь ты, любовник страстный
И Соломирской, и креста,
То ночью прыгаешь с прекрасной,
То проповедуешь Христа.

Да, слишком близко подошел Пушкин к будуарам, полным чужих тайн. И привел за собой экскурсию. И подвел эвристическую беседу к той кульминации, когда аристократический кружок готов разразиться убийственным смехом по поводу происхождения иной «дворянской» фамилии, состояния, протекции и прочих плодов запретной любви. Поэтому, выслушав фривольный рассказ о жене незаконнорожденного графа, Соломирский реально почувствовал угрозу осмеяния (опустить – сказали бы сегодня) своего псевдодворянского происхождения. По меткому выражению Пушкина, он действительно «какой-то» донкихот,

потешный рыцарь, который комичен в попытке защитить фальшивые титулы и царственный блуд. На следующем звонке вечера развития этой темы – какой он все-таки донкихот и что конкретно «свое» защищает – Соломирский не мог допустить. Последовал вызов... Усилиями секундантов дуэль не состоялась. При посредничестве С.А. Соболевского, имевшего большое влияние на Пушкина, произошло примирение. В ситуации «невинность соблюсти и капитал приобрести», т.е. между защитой института побочного воспроизводства дворян и дружбой с окружением гения сметливый сибиряк безошибочно сделал выбор в пользу Пушкина, чем в корне пресек дальнейшие его разговоры на скандальную тему. Подан был роскошный завтрак, и, с бокалами шампанского, противники, без всяких извинений и объяснений, протянули друг другу руки.

Кстати, чтобы закончить дуэльную тему окончательно – Владимир Соломирский имел возможность вызвать на поединок другого великого русского поэта М.Ю. Лермонтова. Причем также по незначительному и абсурдному поводу – переписке Михаила Юрьевича со своей женой Марией Павловной Соломирской (урожденной Апраксиной). Поэт посвятил ей одно из лучших своих стихотворений 1840 года. Родилось оно в ответ на воодушевляющее анонимное письмо почитательницы лермонтовского таланта, когда Михаил Юрьевич находился под арестом после дуэли с де Барантом. Последняя строфа раскрывает отношение поэта к Соломирской:

Залогом вольности желанной,
 Лучом надежды в море бед
 Мне стал тогда ваш безымянный,
 Но вечно-памятный привет.

Что за «желанная вольность» в отношениях холостого арестанта к замужней женщине? Что за «луч надежды» подала жена? Надежды на что, на адюльтер? Да за такие намеки пули не жалко. ...Как близко шли, рука об руку, в начале века великие поэты, прекрасные женщины, ревнивые воздыхатели и фальшивые донкихоты, творящие кровавые развязки на дуэлях. Но к 1840 году Владимир Соломирский, оплакавший кончину друга-врага Пушкина, был уже далек от обидного прежнего положения «полу-милорда, полу-купца». Доходы с уральских заводов, красавица жена, дворянский титул – что еще для жизни надо?

Вернемся к письму из Сибири. Оно застало Александра Сергеевича в момент его пробудившегося интереса к этому ма-

лоизученному краю. По свидетельству новосибирских исследователей-краеведов, Пушкин внимательно прочел в «Казанских известиях» статьи П.А. Словцова «Несколько слов о городе Нерчинске», «О поселениях, водворенных за Байкал», «О Якутской области», «О реке Ангаре» и «Письма из Сибири». Автор статей был личностью незаурядной. Такими словами представлял его Пушкину Владимир Соломирский: «На днях у меня обедыло человек пять моих приятелей. В числе гостей был Петр Андреевич Словцов, старец знаменитый, сын Сибири, он соученик и бывший друг Сперанского, богатый умом, познаниями, правдолюбием и несчастиями. Словцов должен жить в памяти русских, или лучше – всего человечества. Даже жизнь одного мудреца несравненно поучительнее жизни сотни воинов».

Биография сибирского мудреца отчасти напоминает биографию поэта: недозволенные мысли и речи, опала, ссылка и неустанный труд на благо отечества. Родился Словцов в семье сельского священника в 1767 году в Верхотурском уезде Пермской губернии. Окончил с отличием Тобольскую духовную семинарию и в Санкт-Петербурге Александрово-Невскую духовную академию. Соученик и друг М.М. Сперанского. По возвращении в Тобольск преподает философию и красноречие в семинарии, ведет духовную службу. В 1793 году во время торжественной воскресной проповеди в Софийском соборе по случаю бракосочетания будущего императора Александра Первого Словцов коснулся темы социальной несправедливости в общественном устройстве. Рефрен его проповеди – «тишина народная есть молчание принужденное» – удачно предвосхищает мысль автора драмы «Борис Годунов» о безмолвствующем, читай – протестующем, народе. Последовали арест, ссылка на Валаам на смирение. Обратная ссылка в Тобольск. С огромным воодушевлением трудился Петр Андреевич на ниве народного образования и выполняя поручения Иркутского генерал-губернатора, по обследованию дальних окраин региона. В 1814 году посланный «обозреть Забайкальский край», Словцов добрался до Нерчинска, после чего исследовал огромные территории Иркутского и Нижнеудинского уездов. На следующий год отправляется «обозреть поселения» по Якутскому тракту, подыскивать места для организации новых поселений по р. Ангаре. Дослужился Словцов до штатского генеральского чина – действительно статского советника. В возрасте 62 года

подал в отставку. Современники называли его не только «сибирским Карамзиным», но и «первым сибирским патриотом», «будильником умственной жизни Сибири».

Очевидно, что между бывшими противниками (по дуэли) велась переписка. Пушкин, провоя Соломирского в Сибирь, просил своего приятеля собрать о Ермаке народные рассказы и легенды. В Тобольске, получив письмо Пушкина с напоминанием о просьбе, сибиряк встретился с Петром Слобцовым, работавшим тогда над фундаментальным «Историческим обозрением Сибири». Из Тобольска Соломирский сообщает Пушкину: «Ты просил меня писать тебе о Ермаке, предмет конечно любопытный, но, помышляя о поездке для розысков следов сего воителя, я досель сию дома». Видимо, Соломирский надеялся, что Слобцов вскоре завершит историческое обозрение и вместо утомительных «розысков следов сего воителя» можно будет порадовать Пушкина томом исследований с эксклюзивной дарственной надписью. Без сомнения, автор труда о Сибири воспроизвел бы на обложке свой афоризм: «Тот, кто сохраняет бытие человека, есть не более, как человек; но тот, кто сохраняет бытие отечества, тот патриот». А до тех пор Соломирский с гордостью информировал Пушкина о тех впечатлениях, какое производит на сибиряков творчество поэта, какие жаркие споры о словесности кипят в глубинке.

«Говоря о словесности, заговорили о тебе. И мой богатый гость старинной школы восстал на тебя со всею силою классицизма и педантизма. Я, вопреки моим мнениям, взял твою сторону, и дело пошло на голоса.

Слобцов сказал: «Сочинения Пушкина должны читать для роскоши ума. Везде, где я встречаю произведения его пера, я их пробегаю с жадностью». Полагая, что такой отзыв человека, подобного Слобцову, для тебя приятнее и занимательнее мнения наших полусловесников, я поставил себе приятной обязанностью сообщить тебе оное.

Прение продолжалось. Слобцов согласился, что род твоих сочинений мог быть возвышеннее. Но, – говорил он, – Гении своевольны. Наконец, так как общее мнение было на твоей стороне, я, чтоб совершенно победить соперника, пред-

ложил тост за твоё здоровье, с тем, чтоб всякий сказал какое-нибудь желание.

Очередь пала на младшего: это был учитель русского языка. Он пожелал тебе привыкнуть пить воду, с тем, однако же, условием, чтобы дух вина не царил в твоих стихах.

Слобцов пожелал богачу-антагонисту, чтоб его дети с тобою сравнились.

Один из гостей – чтоб ты вечно писал; другой – долгой жизни. Слобцов заметил, что долгая жизнь великим умам несвойственна.

Наконец, классик пожелал, чтоб все тебя уважали и по справедливости ценили твои сочинения.

Итак, мы все пили за здоровье гения-писателя. Даже я, Пьющий воду».

Это письмо еще ждет своего исследователя-краеведа. Наверняка в архивах сохранилось немало подобных свидетельств сибирских современников Пушкина. Как знать, Пушкин писал им. Где эти письма? А одно из них заканчивается такими словами:

«Это письмо – как доказательство не токмо того, что и в глубине России, на границах Европы с Азией, есть просвещение, но и того, что степень сего просвещения довольно значительна, чтоб люди могли и умели ценить таланты, – должно быть для тебя, Пушкин, и для всякого русского занимательно».

Александр Агалаков,

при содействии сотрудников Института истории СО РАН кандидата исторических наук **Марии Малышевой**, доктора исторических наук **Владимира Познанского**.

Вместо послесловия

В Санкт-Петербурге, в некрополе Александро-Невской лавры, ближе к северной части каменной ограды кладбища не зарастает «народная» тропа к могиле Натальи Николаевны Ланской (Гончаровой, Пушкиной). В двух шагах от памятного места с прахом Музы поэта имеется неприметная могильная плита с надписью: «Сдесь погребено тело Обер бергъ мейстерши Натальи Колтовской». Внизу плиты – можно прочесть полустертое слово, свидетельствующее, что это временное надгробие 1829 года. Как это нам знакомо – нет ничего вечнее временного...

Новосибирск

ГОРОДСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

Издается
с мая
2001
года

Издатель:
РИЦ «Новосибирск»
при Новосибирском
отделении
Союза писателей
России

2004 (8)
Новосибирск